

Сергей Минаев

MEDIA SAPIENS 2

Дневник информационного террориста

Сергей Минаев
Media Sapiens-2. Дневник
информационного террориста

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158560

Media Sapiens-2. Дневник информационного террориста: АСТ; Москва; 2007

ISBN 978-5-17-043480-0

Аннотация

Специалист по пиару, медийщик, играет на одной из борющихся сторон. Он придумывает военный конфликт, но сам попадает под огонь. В результате у него возникают проблемы, которые он пытается решить странным образом...

Продолжение книги «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке».

Содержание

МЕТРО	4
VIVA HATE!	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Минаев

Media Sapiens-2

Дневник информационного террориста

Мы добиваемся не правды, а эффекта.
Йозеф Геббельс

МЕТРО

Июнь 2007 года, Москва.

За девять месяцев до выборов Президента РФ

В восемь часов утра над площадкой перед павильоном станции метро «Проспект Мира-кольцевая» в воздухе не было ничего такого, что предвещало бы какие-то страшные события. Ничего гнетущего или настораживающего, как пишут в таких случаях газетчики, рассказывая о ситуации, предшествующей катастрофе. Наоборот, светило яркое солнце, студенты на лавочке пили пиво, девушки весело стрекотали по мобильным телефонам, бабушки степенно раскладывали на лотках газеты. Даже милиционеры были как-то особенно расслаблены, увлеченно беседуя между собой. В общем, атмосфера абсолютно будничная.

Когда из стеклянных дверей выплеснулась на улицу первая порция людей, готовящихся начать трудовой день, где-то слева бухнул взрыв. То есть сначала никто и не понял, что это был взрыв. Просто какой-то достаточно громкий хлопок, и все. Затем, когда пространство затянуло едким дымом и раздались первые женские визги «Человека гранатой убили!», началась всеобщая паника. Толпа бросилась в разные стороны, гонимая общим страхом. Женщины голосили на бегу, мужчины молча деловито расчищали себе дорогу локтями, не обращая абсолютно никакого внимания на падавших на землю пожилых людей, пассажиров с детьми и инвалидов. В общем, всех тех, кому положено уступать места и оказывать всяческие респекты в общественном транспорте. Хотя, с другой стороны, они как раз таки уступали им места на этой площадке. Места для смертников.

Стражи общественного порядка, несколько секунд постояв в растерянности, принялись оказывать помощь упавшим и делать всеобщее бегство более организованным, но тут же были увлечены вперед набегавшими волнами народа.

Самое ужасное началось, когда из дверей павильона появилась вторая группа людей. Часть, присутствовавшая при первом взрыве, ломанулась обратно в метро и в дверях столкнулась со второй волной. Началась давка. Люди с двух сторон в ужасе напирали на стеклянные двери. Одни – ведомые инстинктом, заставляющим покидать открытые пространства в случае опасности, другие – наоборот, старались покинуть замкнутое помещение, чувствуя, что произошло что-то ужасное, но не понимая, где конкретно. В метро или на улице?

В тот момент, когда стекло одной из дверей треснуло, прогремел второй взрыв.

Ввиду того, что выходивших из метро было больше, они выдавлились на улицу и побежали вперед. Минут через десять наряды милиции перекрыли выход из метро, успевшие убежать – убежали, а не успевшие – в количестве десяти-пятнадцати человек – лежали на

земле перед павильоном. Среди луж крови, мокнувших в ней газет, потерянных вещей, окурков, бутылок и банок.

Воздух разорвали сирены машин «Скорой помощи» и милиции. Место взрыва было немедленно взято в кольцо празднующими зеваками. Допускаю, что немалая часть из них только что выбралась из этого ада и теперь во все глаза смотрит прямую трансляцию хоррор-шоу. Еще пять минут назад они могли бы стать жертвами, но сейчас эти люди стоят рядом, и в их широко открытых глазах читается единственный вопрос: «ОК, я-то выжил, но кто все-таки погиб?» кто-то же непременно должен был погибнуть, не бывает так, чтобы всех спасли. Стоит ли говорить, что помогать лежавшим на земле или пытающимся выползти с места взрыва никто и не пытался из-за боязни пропустить самое интересное. Чью-то чужую смерть. Вы знаете, почему в первые часы катастрофы башен-«близнецов» никто не пытался прийти на помощь? Задымленность, отсутствие вертолетов, шок, плохая видимость, невозможность действий в воздухе – все это отмазки для прессы. Просто весь мир был очень занят в эти часы. Он смотрел прямую трансляцию с места атаки по CNN.

Через сорок минут подъехало еще с десятков «скорых» и машин спецподразделений. Откуда ни возьмись, как всегда в таких случаях, появились журналисты, как коршуны, кормящиеся катастрофами современного мира. Уж эти-то всегда начеку! Будьте уверены, если вам, не дай бог, случится срываться с горы или тонуть в море, первым, кого вы увидите, будут не спасатели Малибу. Нет-нет. Первыми окажутся журналисты, протягивающие вместо руки помощи микрофон или видеокамеру. Они сделают такое сострадательное лицо и наполнят глаза лживыми слезами, для того чтобы задать вам единственный вопрос: «Расскажите телезрителям, что вы чувствуете, находясь на пороге гибели? Да, и, пожалуйста, короче, мы в прямом эфире, у нас мало времени».

Итак, спецподразделения бросились оттеснять зевак и оцеплять место взрыва, санитары – спасать пострадавших, а журналисты – мешать и тем и другим, пытаясь отснять как можно больше шокирующих кадров и крупных планов. Записать все эти стоны и крики для более ужасающей картинки, которую они покажут нам сегодня вечером.

Мы с Вадимом заняли довольно удобное место для наблюдения на втором этаже «Макдоналдс», стоящего как раз напротив выхода из метро «Проспект Миракольцевая». Убедившись, как место происшествия покинули наши «скорые», и посмотрев на работу официальных подразделений, мы допили кофе и спустились на улицу.

– Фу, гадость какая, – сплевывает себе под ноги Вадим, – никогда не нужно здесь кофе брать. Такое говно.

– А знаешь, вообще-то все испортилось. Помнишь, какой раньше «бигмак» был? В коробочку упакован. Коробочку раскрыл – в одной половине «бигмак», в другую картошку положил. Красота! А теперь? – В этот момент мне приходит СМС, я достаю телефон и читаю послание: – Вот, наши все доехали обратно.

– Отлично, – кивает Вадик. – Насчет «бигмака» факт. Я сегодня даже огурцы вынул. Надкусил один, а он горький какой-то.

– Я же тебе говорю, все испортилось.

– Испортилось, конечно. Но кофе-то всегда был говенный, согласишься?

– Вообще-то да, – соглашаюсь я, – так и есть. Надо перекурить это дело.

– Ага. Интересно, Антон, когда первый сюжет в официальный ящик попадет?

– Я думаю, через час, не раньше. Пока смонтируют, пока то да се. А пленка «любительская» уже поехала на CNN?

– Ага. Слушай, народ-то не расходится, – Вадим показывает пальцем на ту сторону проспекта, – я так думаю, что сейчас все зеваки в «Мак» ломанутся.

– Вот тебе, кстати, и ответ, почему тут качество упало. Народ сюда валом повалил, а при таких объемах какое же качество?

– Да? Интересно, а в Штатах что, народа меньше? – разводит руками Вадим. – Чего же там качество не падает?

– Могут себе позволить не экономить на качестве, а все потому, что инвестиции хорошие, не то что у нас. Отсюда и результат. Поэтому, Вадим, одни в качестве декораций используют башни на Манхэттене, а другие – заплывающие площадки перед метро. Представляешь, что бы было, если бы нам с тобой дали бюджет под то, чтобы угондошить тыщи три статистов? Да еще и в реальных декорациях, типа «Шереметьево-2», а? Представляешь?

– Представляю, – грустно кивает Вадим, – мы бы этот бюджет скрысили.

– Никакого полета мысли. – Я делаю затяжку и щелчком посылаю окурочек в урну. Он попадает на край и отскакивает на землю, я сквозь зубы произношу «блядь». – Никакой романтики. Один сплошной цинизм.

– Романтизм нам чужд, Антон. А цинизм хотя бы ясен. Так что...

– Это точно. Слушай, нам же ехать на встречу с твоей бабкой надо. Как выбираться-то будем? Все же перекрыто.

– Может, дойдем до «Цветного бульвара» и на метро поедим?

– На метро? Ты охренел, там же теракт был сегодня!

– Какой ужас! – картинно закрывает лицо руками Вадим. – Тогда пошли на Олимпийский, тачку поймем.

– Пошли.

– Давай напрямик, мимо церкви.

– Мне когда лет десять было, я на «Спортивной» в такую давку попал. Там футбол какой-то был. Кажется, «Спартак» играл. И вот я, маленький мальчик, смотрю на прущую толпу. – Вадим показывает руками размер толпы.

– Ни фига себе. А задавили кого?

– Я не помню, но, кажется, трупы были. Точно были. В газетах даже писали. Слушай, у тебя мелочь есть на тачку?

Через час Вадим вводит в мой кабинет женщину маленького роста, с красными от бесконечного плача глазами и абсолютно серым лицом. Несмотря на то что женщина явно находится в состоянии долгой драмы, она аккуратно одета и причесана. На груди ее кофты приколоты зеленая брошь, а на плечах лежит платок с сине-зелеными узорами.

– Антон, знакомьтесь, это Зинаида Николаевна. Я рассказывал тебе про ее горе.

– Да, да, конечно. Зинаида Николаевна, хотите чая?

– Нет-нет, спасибо, Антон, расскажите мне, что вы знаете о Володе? Вы же знаете его?

– Да. Я его знаю. Мы вместе служили. Вы понимаете, я... я даже не знаю, с чего начать, – я вытираю ладонью мифический пот на лице, – понимаете, Зинаида Николаевна, я занимаюсь делами российских солдат, воевавших в Чечне.

– Да вы же знаете, мой Володенька воевал там. Он вернулся, и я не могу понять, почему он мне не звонит. Может быть, у него какие-то дела? Мне все говорят. И соседи, и в поликлинике, и в военкомате, что он погиб. Но я-то его видела тогда еще. Год назад. И знаю, что он в Москве, только не звонит мне почему-то и не приезжает. Может, у него девушка появилась? Знаете, они ведь в этом возрасте влюбчивые. А что, я считаю, что это хорошо. Пусть приводит ее к нам. Я буду в своей комнате жить, им оставлю большую. А дети пойдут? Все же лучше, чем по съемным углам жить. Зачем снимать, если у нас есть квартира? А может быть, он у нее живет? Почему же он не звонит?

– Зинаида Николаевна, послушайте. Я вам все сейчас объясню.

– Что-то случилось с Володенькой? – Она вскочила и начала тереть платок. – Вы скажите, что-то случилось?

– Успокойтесь, Зинаида Николаевна. Вадим, врач здесь?

– Да, он ждет за дверью.

– Мне не нужен врач, слышите?! Скажите, что с моим сыном?

– Зинаида Николаевна, он жив. Его здоровье вне опасности. Вы смотрите телевизор?

– Я? – Она села на стул, затем снова вскочила. – Нет, не смотрю. Там его показывали? Я радио только слушаю.

– Сегодня в московском метро произошел террористический акт. Взрыв. Слышали? По радио должны были сказать.

– Да... – она растерянно посмотрела по сторонам, – что-то такое говорили. Там был мой сын? Он там вчера был? – У женщины затряслись плечи. Она вытерла лицо платком, собралась с силами и продолжила: – Я приму любую правду. Скажите, что с моим сыном?

– Зинаида Николаевна, – я закашлялся, – ваш сын вчера вышел из метро в момент взрыва. Его слегка контузило. Одна из карет «Скорой помощи» увезла его в больницу. Мы ищем его, но списки пострадавших засекречены. Мы знаем точно, что он там был, потому что поддерживаем связь со всеми ветеранами Чеченской войны. Он вчера позвонил нам перед тем, как выйти из метро. Он собирался ехать к вам.

– Да? Володенька звонил? А почему же он не позвонил мне? Надо искать его! Слышите, давайте искать его по больницам!

– Зинаида Николаевна, мы пытаемся его искать, но списки пострадавших засекречены самым главным министром. Министром МЧС. И он нам не хочет отвечать на вопросы.

– Почему? Ведь мой сын ни в чем не виноват. Он ехал ко мне. Надо идти к министру, пусть он скажет мне, где мой сын. Я же мать. Что же это такое происходит? – Она снова начала рыдать. – Я сама к нему пойду, как мне его найти?

– Зинаида Николаевна, я как раз вам хочу это предложить. Вам как матери он не сможет отказать. Завтра, в одиннадцать утра, будет пресс-конференция, на которой выступит министр МЧС. Вы расскажете ему, что видели вашего сына у метро в момент взрыва. Видели дым и его, лежащим на земле. Только так министр поймет, что вы знаете о том, что вашего Володю прячут в государственной больнице. Он поймет и скажет, где искать Володю. Мы должны сделать это вместе. Вы и я. Пойти и спросить министра, где Володя.

– Да... да, мы пойдем. Дым, Володя на земле. Но... но я же не была вчера у метро? – опешила женщина.

– Если вы скажете, что не были у метро, министр вам не поверит. И мы уже не сможем найти Володю. Обязательно нужно сказать, что вы там были. – Я перегнулся через стол и вплотную приблизился к ее лицу: – Понимаете, Володя очень ждет, что вы его разыщите. Он вас ждет, Зинаида Николаевна. Лежит в больнице и ждет.

– Да. Да. Я поняла. Он ждет. Министр не поверит, если не на земле. Володя в дыму. Ой... у меня голова начинает кружиться.

– Спокойно, Зинаида Николаевна, – я делаю Вадиму знак, и он убегает за врачом, – сейчас мы вам укольчик сделаем, а завтра вместе поедem на встречу с министром и отыщем Володю.

Я встаю, обнимаю ее за плечи и поправляю платок. Вбегают Вадим и женщина в белом халате. Она делает укол Зинаиде, я в это время еще раз проговариваю историю с ее присутствием у метро, затем врач и Вадим берут ее аккуратно под руки и выводят из кабинета.

Я сажусь в кресло и вытираю салфеткой лоб. В этот раз я по-настоящему вспотел. Возвращается Вадим. Он стоит на пороге кабинета, смотрит на меня и кивает. Я киваю в ответ. Вадим снова уходит. Оставшись один, я изнутри закрываю кабинет на ключ, снимаю трубки со всех аппаратов, выключаю мобильник, сажусь за стол, кладу голову на скрещенные руки и смотрю перед собой. Трудно сказать, сколько времени я провожу в этом безмолвии. Мне по-настоящему страшно от того, что мы сделали.

В четыре часа я вальяжно вышагиваю по Лубянке и гляжу по сторонам. Людей на улице мало, вероятно, в связи с сегодняшним происшествием все решили попрятаться по офисам

и квартирам. Все вокруг выглядит как-то взъерошенно. Даже машины, стоящие в пробке, похожи на взъерошенных котов, которых кто-то дразнил или пугал. Вероятно, они смотрят так из-за солнца, которое светит сквозь тучи как-то полосами. Проходя мимо кафе «Щит и Меч», я разглядываю висящую на манекенах в витринах форму работников органов госбезопасности разных лет. Между фигурами кто-то повесил фото Боно и его группы. Я останавливаюсь и разглядываю плакат за витринным стеклом этого кафе. Довольно странно видеть здесь изображения рокеров с мировой славой, да еще и поддерживающих Amnesty International. Может быть, владелец кафе таким образом показывает свою диссидентскую сущность? Но, приглядевшись, я врубаюсь, что никакие это не «Ю-2» во главе с Боно. На плакате – Патрушев и офицеры ФСБ, стилизованные под группу «Ю-2», стоят с гитарами на крыше ГУМа и смотрят на колонну олигархов, идущую под конвоем по Тверской улице. Сзади них горят здоровенные неоновые буквы:

Поселок Мирный: WHERE THE STREETS REALLY HAVE NO
NAME!¹

Я оторопел. Такое впечатление, что одно изображение вылезло из-под оболочки другого, будто змея, скинувшая старую шкуру, сменив расцветку, а заодно и основную идею. Я посмотрел на картинку еще несколько минут и отправился дальше к Чистым прудам.

До самого «Шатра» я следую в раздумье, курю одну сигару за другой и думаю о том, какие бывают таланты в России. Как креативно, а главное, как правдиво все у них выходит. Может быть, потому, что в таких людях по-настоящему все прекрасно: и холодная голова, и чистые руки, и горячее сердце? А может быть, кто-то, хорошо разбирающийся в современном искусстве, просто провел с ними пару-тройку базовых занятий?

Я захожу в «Шатер» и вижу сидящих за столом Сашку и Никитоса. Они радостно машут мне руками, а Сашка показывает пальцем на стоящую на столе бутылку водки.

– Привет, – я обнимаюсь поочередно с каждым, – как дела?

– Да вроде как хорошо, – улыбается Никита, – а у тебя?

– Да так... местами, но в целом хорошо.

– А у меня плохо, – судя по красноватым глазкам, Елифанов уже бухенький, – я с выборами мэра в Норильске завис.

– Ну, наливаю тогда, – Никита берет бутылку и разливает, – давайте только жрать возьмем, а то мы тебя уж заждались.

– А что случилось-то? – спрашиваю я Сашку, когда мы чокаемся.

– У нас вчера двоих работников штаба в Норильске убили...

– Как?

– Легко. Думаю, что даже не затратив больше ста калорий. Из пистолета. Пах-пах – и готово.

– Начинается, – говорит Никита, – не успели сесть к столу, как тут же вы про жмуров начинаете базарить. Другого места, что ли, нет? Дайте хоть пожрать спокойно, без стрессов.

– Да погоди ты со своей жратвой, тут такие новости, – перебиваю я его, – стрессы его беспокоят. Тоже мне, существо тонкой душевной организации.

– Да, тонкой душевной организации. Может, разговоры о трупах провоцируют мой гастрит. Мне, может, вообще нервничать нельзя.

– Давно ли ты, Никита, стал думать про влияние разговоров о трупах на свой гастрит? Ты мне скажи, в девяностых, когда ты в составе какой-то там ОПГ краевые предприятия отжимал, ты тоже такой благостный был? Небось, когда сам людей толпами валил, о гастрите не думал? – смеюсь я. – А тут пара трупов, и то не твоих.

¹ Поселок Мирный: Там, где улицы, в натуре, не имеют имен (в оригинале у U-2 «Там, где улицы не имеют имен»).

– То когда было!... Вспомнила бабка, як дивкой была, – притворно обижается Никита, – я, если хотите, вообще больше слова не скажу. Хоть о массовых расстрелах базарьте.

– Возвращаясь к расстрелам. Из-за чего убиито, Саш?

– Да там чистый криминал. Ребята возили кэш сумками на одном и том же водителе. Ну, кто-то из них, видать, по пьяни и слил водиле. Тот и навел. Утром обоих грохнули, когда они на работу выходили. Водила скрылся.

– Денег много ли? – участливо спрашивает Никитос.

– Взяли, по нашим прикидкам, штук триста. Глупо все как-то. И толковые ребята были, что обидно. Вот поеду завтра в Норильск с ментами разговаривать.

– Жалко... – говорю я, делая глоток вина.

– Кого?

– Бабки. Триста штук все-таки, деньги.

– Какой же ты, Антоха, циник. Я думал, ты меня пожалеешь, что мне завтра болтаться внутренними линиями в Норильск. Тереть там с ментами. Три дня, а то и больше, коту под хвост, в нечеловеческих условиях Крайнего Севера.

– Ну и тебя, конечно. Хоть ты и не бесплатно едешь, я тебе сочувствую. Все-таки друг. Ты, кстати, не хочешь из этого убийства политическое дело сделать? Ну, там... «городской голова, связанный с Кремлем, заказал убийство...»

– А у меня другого варианта и нет в голове. К Кремлю мэра привязывать за уши – слишком много чести, а то, что это он мочканул оппозицию, тему разыграем.

– Ну смотри. Тебе там, на месте, виднее.

– Давайте еду закажем, пожалуйста, – канючит Никита.

– «Давайте еду закажем», – передразнивает его Саша, – тебе худеть надо, брат, а ты все про еду.

– Во-во, – включаюсь я, – а то ты костюм купил импортный, в полоску, очки в дорогой оправе и думаешь, что сразу интеллигентным человеком стал. А ряха-то тебя выдает, Никита. Ох, выдает.

– Я в фитнес хожу, – угрюмо отвечает Никита, – и плавать еще начал. Начну... с понедельника.

– Ты не о теле думай, Никитос, – хлопает его по плечу Саша, – интеллигент – это состояние души!

– Ладно, давайте действительно еду закажем, – примирительно говорю я, – а то мы так человека потеряем.

Пока официант принимает заказ, я успеваю ответить на три телефонных звонка (один из звонящих – Вадим, обещающий заехать) и довольно сильно лягнуть под столом Сашку, прошипев ему в ухо «хорош так быстро нажираться». Сашка обиженно отворачивается. Когда официант отходит, Никитос снова разливает водку.

– Я, кстати, в Норильске был. Два года... Ваше-то тяжело там. Люди в ежедневной жизни проявляют чудеса мужества и героизма. Без звезды и без картинок.

– Хорошая присказка, надо запомнить, – смеется Саша.

– А то! С Никитосом надо больше общаться, он же кладезь народной мудрости, – говорю я.

– Ну, про «без звезды» понятно, – продолжает хохотать Саша, – а почему «без картинок»-то?

– А потому что рисоваться не перед кем. А «без звезды», кстати, тоже натурально. Баб очень мало, а симпатичных – так и вообще...

– А как же ты обходился-то? С твоей африканской страстью? – продолжает Саша. – Северным оленям, что ли, присовывал?

– Саша, ты мне друг, но, в натуре, прошу, есть вещи за гранью. – Никитос хмурится.

– Не, Саня, ты не шаришь. У Никиты же образование техническое. Он же у нас механик или кто там. Ну, соображал, наверное, с тракторами или вездеходами. Исходя из размеров выхлопной трубы транспорта. – Начав стебаться, я чувствую, что остановиться будет уже трудно.

– Картина в духе соцреализма. «Ударник верхом на тракторе». – Сказав это, Саша закрывает лицо салфеткой, и его смех переходит во всхлипывания. Никита кладет салфетку на стол, отворачивается от нас и говорит тихим голосом: – Я с вами больше никуда не пойду, гадам буду.

– Ладно, Никит, не обижайся, мы же шутим. Расскажи нам дальше, про Север.

– Не буду я вам больше ничего рассказывать, – Никитос шмыгает носом, – бля, ну когда жрать-то дадут?

Тем временем приносят салаты. Никита резко набрасывается на свое блюдо, закидывая пищу в рот быстрыми, как сказали бы хоккейные комментаторы, «кистевыми бросками». Жует он тщательно, изредка обнажая мелкие зубы хищника. Сашка ест вяло, а у меня так вообще аппетита нет. Есть только желание напиться.

– А ты там на чьей стороне работаешь? – спрашивает Никита у Сашки.

– Мы там работаем против мэра. Один из серьезных коммерсантов в городе наш клиент.

– А основной пункт для популизма – «северный завоз», или как там это называется? – включаюсь я.

– Ага. Именно. Завоз пока не распилили. Продукты купили через свои фирмы по завышенной стоимости, а по топливу еще решения нет. Мэр блокирует сделки, которые наш клиент хочет через свои фирмы провести, а мы в местной прессе проводим кампанию под знаком того, что мэр не способен готовить город к зимнему периоду.

– Ужас. Пока они будут решать, кто через себя сделки поведет, начнется сезон, судоходство встанет – и звезда. Отапливаться нечем, продуктов нет. Город голодать начнет, гондоны. – Никита опрокидывает стакан и наливает себе еще. – Ты представляешь, там дети маленькие, а молоко дефицит... Я когда там был, случилась у меня одна история...

– Слушайте, а зачем в блюда трюфели добавляют? – спрашиваю я, стараясь сменить тему.

– Для запаха. Ты на горячее шашлык возьмешь? – поворачивается ко мне Сашка.

– Наверное, а ты?

– Дайте рассказать дальше, у меня как раз история про детей, – не унимается Никитос.

– Да и черт с ними. Я рыбу вообще-то хотел. Тут рыба хорошая?

– А вы знаете, какая на Севере рыба? – пытается заинтересовать нас Никитос.

– Какая? – спрашиваю я, смотря, как Никита набирает в легкие воздуха, чтобы начать свое увлекательное повествование.

– Короче, рыбалка там – загляденье...

Пока Никитос рассказывает о прелестях рыбалки «на Северах», я думаю о том, как развернутся события с терактом. Никита бодро жестикулирует, показывает руками размеры диковинных рыб, Сашка живо участвует в беседе, а я смотрю сквозь них в глубину ресторана. Посетителей нереально много. Они увлеченно болтают, пьют шампанское и вино. Вокруг «Шатра» даже ездит венецианская гондола, на которой полупьяные пятидесятилетние Ромео катают юных Джульетт с алчными глазами вампиров. Я думаю о том, что если бы позволил бюджет и фантазия – можно было бы рвануть один из дорогих ресторанов в центре города. Ничто так не радует массового зрителя и ничто так долго не обсуждается, как многочисленные смерти зажиточных членов социума.

– Мужики, – Никитос неожиданно встает. Видимо, тема рыбалки себя исчерпала, – я хочу выпить за вас!

– Да ладно, брось ты, – псевдосмущенно говорю я.

– Никитос, хорош ты, садись, – вторит мне Сашка.

– Не, в натуре, мужики, я хочу выпить за вас. Как вы всех развели – это высший класс. От всех пацанов... от моих партнеров то есть, вам уважуха. Теперь если у вас какие проблемы – мы всегда поможем. Если чего – обращайтесь.

Мы дружно чокаемся и опрокидываем рюмки.

– У нас, кстати, есть проблемка. – Я пронзительно смотрю на Сашку.

– Да, точно, – говорит Сашка, вытирая рот салфеткой.

– А в чем трудности? – интересуется Никита.

– Да двух человек надо убить, – простодушно бросает Сашка.

– Да что же это? – Никитос оглядывается по сторонам и говорит приглушенным голосом: – Да что же это ты говоришь, прости господи?

– Никита, нам реально мешают два человека, – говорю я, – очень мешают.

– Да... – Никитос снова опрокидывает рюмку, – дела у вас. А че за люди? Авторитеты? Пацаны? Или так просто фраера? В бегах?

– Нет, в Москве сидят, на квартире.

– Не сбегут?

– Не должны.

– А... А то я помню, у меня случай был, еще с покойным Пашей-гномом, земля ему пухом. Был у него конфликт один...

В течение минут тридцати Никитос рассказывает в деталях, чем занимался Паша-гномом, чем занимался в то время сам Никита, как они первый раз встретились и на каких уважаемых людей кто работал. Меня всегда раздражала эта особенность криминальных элементов и приклатенных чуваков часами растирать свои былинные истории про то, кто чего «контролировал» в 90-х, кто с кем был «в хороших», кто «в плохих», а кто «в ровных», превращая все в этакий эпос типа «Старшей Эдды». Кто из криминальных богов скольких завалил, у кого с кем были конфликты и какую большую роль сыграл в решении этих конфликтов рассказчик. Как правило, сам рассказчик в то время был мелкой рыбой, но за неимением свидетелей спустя годы его вчерашний статус резко возрос.

Причем об убийствах рассказывается детально, с указанием их точного количества и описанием места «стрелки». И все это обязательно перемежается лицемерными «прости господи», «царствие ему небесное», «упокой его душу», «дай ему Бог» и т. д. Каким удивительным образом сочетается в голове Никитоса «они со стрелки ровно отъехали, оставив пятерых жмуров» с «Николай Угодник, батюшка», мне не очень понятно. Внимательно выслушав все тонкости и перипетии истории Паши-гнома, я возвращаюсь к своей проблеме:

– Никит, так как с нашей проблемой?

– Да, как же быть-то? – икает Сашка.

– Мужики, – Никита обнимает нас обоих за шеи и наклоняется к нам, – мужики, давайте завтра об этом. Сегодня такой день хороший. Встретились, выпиваем за успех делов наших. А завтра ты, Сашка, подъезжай ко мне в офис, там все и решим. Выпьем?

– Выпьем, – устало соглашаюсь я. Приносят горячее. Минут пять все сосредоточенно жуют, потом Никитос откладывает приборы и говорит:

– Мужики, а я вот что хотел спросить. Все, что вы с «Зевсом» разыграли, – это же чистая подстава, так?

– Так, – киваю я.

– А то фак ве? – Саша вторит мне с набитым ртом.

– Чего? – не понимает Никитос.

– Я говорю «а то как же». – Саша наконец прожевывает.

– Во, – Никита чуть пристукивает кулаком по столу, – давайте за это выпьем.

Мы с Сашкой непонимающе переглядываемся и поднимаем стаканы.

– Ну и дальше что? – спрашиваю я Никитоса. – Развивай тему.
– А дальше вот чего. Вся эта разводка наша попала в телевизор, на радио, в газеты. В общем, везде, правильно?

И я, и Епифанов предпочитаем не втягиваться в его монолог и просто киваем головами.

– Следовательно, раз вы наебали телевизор, то и телевизор, передав ваш фуфляк в эфир, наебал население. А значит, наебка-то круговая?

Мы жуем и киваем. Я понимаю, что Остапа понесло.

– Выпьем за это.

– Никитос, ты чего так быстро гонишь? – спрашивает Сашка.

– Да настроение у меня хорошее. Чего, нельзя, что ли?

Выпили. Я закурил, Сашка заказал себе еще сока.

– У меня в связи с этим вопрос к вам как к этим... му... ме...

– Медийщикам.

– Во. Точно. Так вот, у меня, блядь, вопрос: а вообще в телевизоре реальные события показывают или вообще все чистая подстава?

– Смотря что считать реальными событиями, Никита, – усмехаюсь я.

– А взять, к примеру, теракт сегодняшний?

– А фиг его знает... – Сашка покосился на меня.

– Да вряд ли, – я отрицательно качаю головой, – хотя... хотя, конечно, федералы могли сами взорвать.

– А для чего? – Никита вращает глазами. – Для чего они могли сами взорвать?

– Ну, для того, чтобы ужесточить внутреннюю политику в стране, или для того, чтобы отменить выборы, обвинив кандидата от оппозиции в связях с террористами, – вслух размышляю я.

В этот момент к нашему столу подходит Вадим, здоровается и садится рядом со мной.

– Это мой коллега, Вадим, – представляю я его, – с Сашей вы знакомы, а Никита – это наш большой друг. – Никитос косится на Вадима настороженно. – Наш человек, – обращаюсь я к Никитосу, – занимается политехнологиями на телевидении.

– Аааа, – мычит Никитос, – пьешь?

– Нет, спасибо, я за рулем, – отвечает Вадим и ерзает на стуле.

«Подссывает Никитку-то», – отмечаю я про себя.

– Ну, как хочешь, – Никитос снова разливает, – я вот чего хочу отметить. Телевизор смотреть, радио слушать невозможно стало. Везде одна политика. – Никита выпил, зачерпнул супа, подул на ложку и резким движением забросил ее содержимое в рот. – Я вот все-таки не пойму, бля, чего все кипешатся с этими выборами?

– То есть как? – я отрезал кусок семги и отложил приборы, – чего тебе не понятно-то?

– Да бля, – Никита доел суп и отставил тарелку, – суп нереальный. Я в том смысле, что бабло палят зазря на предвыборные компроматы. Вся же эта движуха бабла стоит. Я беру в расчет, сколько наша с вами комбинация стоила, и так умножаю это в размере страны. Я прикинул – это же бешеные бабки. Просто так берут и палят их.

– Почему же просто так? – не понимаю я. – Это же борьба за электорат. Чтобы ты, Никитос, посмотрел телевизор и пошел на выборы голосовать за нужного кандидата.

– А кому он нужен-то, этот кандидат? Тебе? – он показывает пальцем на Сашку. – Или тебе? – обращается он ко мне, – или ему? – тычит он в Вадика. – Или вот... Слышь, ты! – кричит Никитос официанту, – иди сюда.

– Слушаю вас, – склоняется подошедший официант.

– Вот ответь мне, только честно, – Никитос достает из бумажника стодолларовую купюру и машет ею в воздухе, – честно только, понял, бля? А насвистишь – по глазам увижу и нос сломаю! – Официант нервно кивает. – Вот скажи, ты на выборы голосовать ходишь?

Халдей смотрит то на сто долларов, то на Никитоса, то на нас, соображая, как ему лучше ответить, чтобы остаться и с целым носом, и с бабками. В конце концов, он вспоминает, что отвечать просили честно, закрывает глаза и выдыхает:

– Не хожу.

– Вот! – кричит Никита так, что все соседи оборачиваются на нас, – вот, бля! На, бери, заслужил. – Никитос засовывает халдею в нагрудный карман сотку. – Понял, Антоха?

– Это ничего не доказывает, – отвечаю я.

– Да не всем же всё настолько по фигу, – вторит Сашка.

Вадим испуганно наблюдает за нами и молчит.

– Погоди, Никитос, даже если и допустить, что все население страны на выборы не ходит, что с этим надо делать? – говорю я.

– Да все просто, – Никита забросил в рот суши, – тут главное – как в хорошем боевике – спецэффекты и декорации. Главное – это понты, то есть картинка. В целом же народу все равно, кто президент у нас, так?

– Ну, не совсем. – Я делаю глоток и чувствую, что начинаю пьянеть.

– Да ну нах! – машет рукой Никита. – Брось ты. Политтехнологи какие-то красивые схемы выстраивают, воюют друг с другом, а народу-то абсолютно до фени. Это раз. И народ очень сильно разбросан по территории страны и не связан друг с другом. Люди в Тюмени не знают, что происходит с людьми в Питере. Это два. Поэтому надо всей политической братве сесть, договориться, как в свое время славянские воры с пиковыми, к примеру. И все поделить.

– А населению как объяснить? – Сашка икает. – Так и сказать, мол, пошли вон, не мешайте нам наживать?

– Зачем говорить-то? Населению важна картинка большой и сильной страны. Вот поэтому надо бабки тратить не на рекламные ролики, предвыборные ток-шоу, агитационные концерты и гонорары «говорилкам», а на реальные вещи. На спецэффекты и декорации.

– Ну-ка, ну-ка, – я придвигаюсь к Никите, – это как?

– Построить заводы, фабрики, космодромы, фермерские хозяйства, школы, морские порты, аэропорты, огромные госпитали, города нового типа, выстроенные на налоги от нефтяного экспорта. Ненастоящее все, естественно, но, сука, – Никита стучит кулаком по столу, – денег, бля, не жалеть. Строить добротнo и красиво, как в Голливуде. И потом, – Никита застыивает с открытым ртом, теряя нить рассказа, – гонять все это по телевизору. Президент открывает новый морской порт в Новосибирске, председатель «Единой России» перерезает ленту на открытии нового аэропорта в Краснодаре. И вещать на страну с учетом регионов – тем, кто живет в Краснодаре, показывать про Новосибирск. И наоборот. Люди же не знают, что творится за сотни километров от них. Будут думать: «Во, как же зашибись жить там-то... Не то что у нас». А глобальные вещи показывать одним потоком. Настроить декораций, как для «Девятой роты», и снять в них войнушку с грузинами какими-нибудь. – При этих словах я поймал заинтересованный взгляд Вадика, обращенный на Никитоса. – Выигранную войну на экране показали всей стране. Рейтинг патриотичности – хренакс и поднялся. Доверие президенту – хренакс и поднялось! Во как надо!

– А куда, интересно, девать свидетелей, которые по Интернету будут рассказывать, что на самом деле ни хера никакого порта в Новосибе не открыли? – ехидно подсмеивается Сашка.

– А закрыть на хрен все интернеты. Там только террористы да порнуха. Что там народу делать? Новости узнавать? Телевизор есть и газеты, которые новости дублируют для тех, кто не успел телевизор посмотреть. Как в Китае. Живут же так, и ничего.

– С альтернативными источниками информации ясно. Закрыть, и весь базар, – я сижу и охуюваю – иного слова не подобрать – от космического масштаба идиотизма Никитоса, –

а как быть с иностранными гражданами? Которые тут обитают? Им тоже показывать только телевизор?

– А как раньше мы кредиты брали? Снимали офис в «Метрополе», сажали туда секретарш длинноногих, директора с менеджерами. Потом привозили туда банкиров, поили коньяком. Потом везли их на свой типа склад. Там стоят фуры с «Мальборо», грузчики ходят, все дела. Вот вам типа обеспечение кредита. Потом бумаги подпишешь, дожدهшься, пока бабки тебе на счет упадут, и ноги вставляешь. Банкиры приезжают через две недели – проверить, как дела у тех, кому они кредиты выдают, а там ни офиса, ни склада – все чистые декорации. Так и с импортными щеглами. В больших городах и так все современно развивается, а в регионах... а в регионах построить пару-тройку реальных объектов и возить туда...

– Но Россия, Никитос, это тебе не гостиница «Метрополь». Тут просто так не соскочишь. Есть же международное общественное мнение, связи с Европой и США, ООН и прочее. А главное – фондовый рынок, цены на нефть. Мы как только такое устроим, нам сразу обрушат все рынки, и будем кеглю сосать. А под твои фанерные заводы кредитов никто не даст.

– Это правда, – первый раз за сегодня поучаствовал в беседе Вадим.

– Ой, да ну вас, а кто мешает? – Никитос повернулся и чуть не опрокинул стол. Пьян он был уже очень сильно. – Бля... я говорю, кто мешает сразу в ООН со всеми разрамсить? Пацаны, так и сяк, мы вам гоним нефть, газ, и все это по ровным пацанским ценам, а вы взамен, тупо отъебитесь от нас наглушняк. Мы у себя в России делаем что хотим, как хотим, строим реальность в телевизоре, и вы картинку красивой действительности для нашего народа не ломайте. – Никитос закончил и икнул.

– Во как. – Сашка, по-моему, уже не слушал и вставлял свои междометия просто так.

– И чтобы подписались все президенты всех стран, – Никитос обводит всех пьяными глазами, – и не ебет!

– А как президента выбирать? – интересуется Вадим.

– Как? Я ж тебе говорю, вся братва политическая объединилась и расписала срок, кому, когда и сколько править. Пришло время – ебс – и типа выборы.

– Вот тут и противоречие, – Вадим улыбается, – потому что если одного президента на другого менять – это же надо всю картинку телевизионную перестраивать. Имитировать предвыборную борьбу, представлять народу кандидатов.

– Ты че, в натуре, не врубаешься, че я говорю? – Никитос стучит кулаком себе по лбу, – я ж тебе талдычу, что все происходит тока в декорациях. Народу сказали, что в этом году назначаются выборы. Ну, пришло, к примеру, в день выборов к урнам пять человек. На следующее утро объявили – явка была феноменальной. 100%. Новый президент такой-то. Ну, до этого показали сто раз, как он ленточки резал на заводах и открывал аэропорты. И народ его запомнил. Врубаешься, Вася?

– А что будет, если новый президент захочет, например, картинку телевизионную под себя менять? – Язык мой начинает заплетаться.

– Во блин, – Никита утыкается лицом в ладонь, – вы где вообще работаете? Я ж говорю – ВСЕ декорации. Никого не ебет, как зовут президента. Мы вчетвером реально рулим поляной. Чи-чи га-га, нефть, газ и телевизор – все под нами. И так продолжается уже бог знает сколько лет. А президент просто типа афиша. Как рекламное лицо. Ну, типа как Шарипова, которая часы рекламирует. Она же этой фирмой сама не рулит? Так и мы. Захотели показать, что у нас все как в Штатах стало, – хренакс берем негра. – Никитос указывает на чернокожего метрдотеля.

– Его, кстати, Адольфыч отечество, – словно просыпается Сашка.

– Ваще клево. Берем его, показываем народу и миру. Говорим: у нас теперь президент Игорь Адольфыч Тумбаюмба, и предъявляем всем негра. А рулим сами. Потом надоел нам негр – выбираем татарина. И все. Ниче не меняется – только декорации.

– Ты «Духlessa», что ли, начитался? – смеется Сашка.

– Чего, бля? – Никитос напрыгся.

– Книжка такая, – говорю я, – там герой обкурился анаши, и ему приснился бессменный президент Бэтыч. По телику появлялся только в маске Бэтмена и рулил страной.

– Ааа. Не, не читал я никакого мухлиса-тухлиса. Херня какая-то наркоманская. И идея говенная. Бред. Ты скажи, на хрена ералаш лепить с Бэтменами, когда можно реально построить страну в ящике?

– А когда умрут владельцы поляны, что будет? – интересуюсь я.

– А ниче. Они умерли, оставили поляну детям – те рулят по старым понятиям. Главное-то не просто в схеме. А в том, чтобы халдею сотку не забывать отдавать. Понимаете? Чтоб он мог себе пойти ботинки купить или ящик шампанского, – Никитос икает и неуклюже цепляет локтем пустой стакан, который падает на пол и расшибается, – сука-бля. Людям праздник нужно создавать. Иногда. А то они перестанут телик смотреть. И страна в ящике исчезнет...

– Умно... – резюмирую я.

Я смотрю на воду и думаю о том, что схема Никитоса не кажется мне чем-то совсем нереальным. Более того, я подозреваю, что когда-то так оно все и будет, причем в рамках планеты. Или, может, так оно и есть уже давно? Просто я об этом не догадывался? Если так, то кто тогда регулирует и координирует все эти сложные взаимосвязанные процессы, одновременно происходящие в разных точках земного шара?

Сашка и Вадим молчат. Никитос пытается раскурить сигару, принесенную ему официантом. Сигара вываливается у него изо рта, Никита матерится и снова пытается прикурить. После очередной неудачи он бросает сигару на пол, смотрит прямо перед собой и замирает. Я поворачиваю голову в том направлении, куда смотрит Никитос, и вижу в промежутке между стенами деревянный помост, идущий к воде. В конце помоста пришвартована та самая гондола. Не дай бог!

Нет, только этого еще не хватало. Я смотрю на Никитоса и понимаю, что он собирается сделать как раз то, чего я боюсь.

– Ну что, просим счет? – я пытаюсь сыграть на опережение. – А то мы уже нажрались порядком. Завтра дел много.

– Ну, что расход? – Сашка поднимает на меня свои абсолютно пьяные красные глаза. – Неплохо посидели.

– А пошли на лодке скатаемся. – Никитос встает и, не дожидаясь ответа, двигает в сторону гондолы.

– А че, пошли. Воздухом подышим. – Сашка подхватывается с места вслед за ним.

– Ребят, хорош, а? – я встаю вслед за ними. – Давайте рассчитаемся и по домам.

Наперерез Никитосу двигает охранник, кричащий на ходу:

– Мужчина, стойте, вы куда?

– Я на лодке с друзьями хочу скататься, – отвечает ему Никитос не останавливаясь.

– Лодка уже не плавает, гондольер ушел домой. – Охранник встает перед Никитосом, пытаясь не пустить его на помост.

– Да я че, без этого... без гондона вашего не уплыву, что ли? – Никитос пытается отодвинуть рукой охранника: – Слышь, отойди на х...

– Мы в нетрезвом виде не пускаем к воде, – вежливо отвечает охранник.

– Слышь, я не понял, тебе че, два раза повторить, чтобы ты отошел? – Никита оборачивается на нас с Сашкой. – Мужики, он че, глухой?

Ко мне подходит Вадик и говорит шепотом: «Я закрыл счет, поехали отсюда». Я оборачиваюсь, хочу ему ответить и вижу стоящего у входа владельца ресторана Игоря Бухарова, с которым шапочно знаком. Бухаров наблюдает картину «недопущения отрока Никитоса к плавсредству». Он поворачивает голову, и мы встречаемся взглядами. Я киваю, он кивает в ответ и грустно смотрит на меня и моих друзей. Кажется, что его взгляд спрашивает – «Таки будут громить?» Я два раза моргаю, отвечая, что «таки да, к сожалению», и развожу руками, изображая бессилие помочь. Сию же секунду в его глазах читается вся скорбь еврейского народа, и он подзывает к себе метродотеля. Никитос с криком «Да пошел ты, казел!» внезапно наносит охраннику первый удар под дых. Охранник отступает на шаг, но не сгибается от боли – то ли удар слишком слабый, то ли охранник слишком крепкий. Никитос снова замахивается, но в этот момент к нему подбегают еще двое охранников и заламывают руки. Завязывается небольшая драка. В конце концов охранники берут верх. Никита матерится, старается раскидать их, но охранники трезвы и натренированы, в отличие от него.

Никитоса уводят к выходу. За ним, шатаясь, идет Сашка, приговаривая скороговоркой «ланамужикиептаотпуститемоегодруга». За Сашкой плетемся мы с Вадиком. Поравнявшись с Бухаровым, я говорю: «Извините, мы выпили», – на что он, смотря на меня искоса, говорит:

– Значить так. Вы не ходите ко мне больше. – И после паузы выдыхает: – Пожалуйста.

Мы с Вадиком вываливаемся из «Шатра», и я верчу головой по сторонам в поисках своих в жопу пьяных приятелей, но никого из них не вижу.

– Поехали, поехали, – тянет меня за рукав Вадик.

– Не... погоди, – я икаю, – мне нужно прогуляться. Давай кружок вокруг пруда?

– Ну... ОК, пойдем. – Вадим нехотя соглашается. Мы молча доходим до метро «Чистые Пруды». На площади перед памятником Грибоедову в это время было весьма многолюдно. Помимо традиционных влюбленных парочек и клиентов ночных палаток присутствовали также две группы молодежи и студентов. Первая была явно тусовкой готов: девочки с густо подведенными тушью глазами, ярко-красными, в поллица губами и фиолетовыми волосами, и мальчики, которые в общем мало чем отличались от девочек. Одеты все они были в черные хламиды, высокие ботинки или казаки. Все, понятное дело, с пивом в руках. Вторая группа была более политизирована и состояла в основном из студентов старших курсов. Парни – одетые в джинсы и пиджаки, девушки – опрятного вида, некоторые из них носили майки с портретом Че Гевары, некоторые с портретом Лимонова, кое у кого на одежде были прикреплены значки молодежного движения «Яблоко». Знаете, из тех, которые никак не определяются, что им делать по жизни – кушать яблоки вместе с Явлинским, кидать помидоры в окна ФСБ с Лимоновым или просто пиво пить. Поскольку в их возрасте внешняя атрибутика бьет по мозгам сильнее внутреннего содержания, все они являли собой этакий симбиоз леволиберального толка. Эта компания сгрудилась вокруг длинноволосого уроды, тренькавшего на гитаре что-то из репертуара «Гражданской Обороны».

Между ними, как бы разделяя эти группы, стояли несколько мужиков весьма потрепанного вида с баночными коктейлями и пивом в руках, горячо обсуждавшие проблему телевизионной рекламы. Это было, в общем, то небольшое, что я смог разобрать из их маловнятной речи. Учитывая мое состояние в тот момент. Я подошел к памятнику и вдруг довольно ловко взобрался на парапет. Вадим попытался было поймать меня за ногу, но я брыкнулся, что твой горный козел, и заставил его отпустить мою ногу. Встав на ноги, я осмотрел своим мутным взором аудиторию и громко крикнул:

– Здравствуйте, дорогие мои сограждане!

Многие прохожие остановились и повернули головы в мою сторону. Готы с интересом принялись разглядывать меня, студенты прекратили играть на гитаре. Даже мужики отвлеклись от своих коктейлей.

– Здравствуйте еще раз, граждане свободной России!

– Здорова, мужик! Че нажрался? – крикнули мне готичные ребята.

– Да, нажрался, вы что-то имеете против? Или мы живем не в свободной стране? Вадик, скажи как друг – имею ли я право нажраться в свободное от работы время?

Вадик покраснел и отошел на два шага от памятника. Мужики заржали. Некоторые прохожие вновь заспешили по своим делам. Где-то в компании студентов раздался довольно четкий девичий голос:

– Еще один торгаш нажрался, и потянуло его на общение. Саша, играй дальше.

– Эээ... Саша, постой, не играй, – обратился я к невидимому Саше, – я, может, хочу с вами на общественные темы о будущем страны поговорить.

– С такими, как вы, у страны нет будущего, – ответил мне чернявый паренек с эспаньолкой, бывший у них тут, видимо, за лидера.

– Ух как интересно. А с такими, как вы, оно, значит, есть?

– Непременно.

– А с такими, как вы? – обратился я к готам.

– Спать иди, политик, – заржали они.

– Мужики, скажите, может быть, будущее страны в вас? – повернулся я к любителям коктейлей.

– Свободен, мужик. Че ты быкуешь? Есть будущее, не парься, – отвечивал мне мужик с усами, одетый в черный костюм и светлые летние туфли.

– И какое же?

– А не ебет, – резонно заметил мужик, – какое надо, такое и будет.

– Уж не хочешь ли ты, брат, сказать, что оно будет такое, как надо именно тебе?

– Может, и так.

– То есть оно зависит от тебя?

– Ну.

– Че ты нукаешь? Че ты нукаешь? Я тебе лошадь? Чего от тебя зависит? От тебя даже цена коктейля в банке, который ты жрешь, не зависит.

Молодежь затихла. Видимо, в предвкушении восточных единоборств. Я решаю оставить мужика напоследок и поворачиваюсь к студентам:

– Эй вы, молодые надежды Родины! Да-да, это я к вам обращаюсь, свободолюбивые вы мои. Я гляжу, у вас тут кружок строителей гражданского общества. Просто вольные каменщики, ёб вашу мать, не иначе. Масонская ложа имени пива «Клинского», или чем вы тут нажираетесь? Водочкой?

– Антон, слезь. Слезай оттуда, я тебе говорю, прекрати паясничать, нас сейчас в ментовку заберут, – тихо сказал мне Вадим.

– Да иди ты лесом, Вадик, – миролюбиво заметил я, – никуда я не слезу. У меня такая редкая возможность живого человеческого общения с аудиторией. Неужели ты думаешь, я ее упущу?

– Давай, мужик, отжигай! Аффттар жжот! – слышались крики с готской стороны.

– Итак, граждане свободной России, я имею вам сказать за гражданские свободы! Интересно ли вам это? Скажите, может быть, вы расскажете, что думаете о грядущих выборах? Может быть, у вас есть какая-то новая идея на этот счет?

– Да нам до фени, – снова вернулся в разговор мужик с усами.

– Мы за «лигалайз» пойдем голосовать! – крикнул кто-то из готов.

Вторая группа молодежи дружно расхохоталась в ответ. Из ее рядов слышалось:

– Мы добьемся гражданских свобод революцией. Пойдем вешать буржуазию!

Молодежь снова захохотала. Гитарист заиграл «Все идет по плану». Напряжение диспута стремительно падало. Я прислонился спиной к памятнику и, раскачиваясь на манер Маяковского, заговорил:

– Весьма обидно, дорогие мои сограждане, осознавать, что все вы настолько тупые скоты. И вся ваша идея, – тут я похлопал по ноге Грибоедова, – в «дыме отечества», который для кого марихуана, а для кого, – кивнул я в сторону мужиков, – так вообще «Гжелка». Вы знаете, мне это вдвойне обидно как человеку, некоторым образом связанному с медиа.

– Антон, заткнись, что ты несешь?... – зашипел Вадим.

– Вы все такие разные, но оказывается, что объединяют вас не убеждения, не партийная принадлежность, не даже банальная гражданская позиция. Отнюдь! Единственное, что способно сплотить вас, – это пиво или любой другой горячительный напиток.

Я сел на корточки, подпер голову рукой и продолжил более тихим голосом:

– Блядь, до чего же обидно. И как все просто оказывается. Лучшие политтехнологи ежедневно ломают головы над выстраиванием хитроумных схем, партийных линий, поиском харизматичных лидеров. Мы рассуждаем о протестном электорате, вовлечении избирателей. Мы ищем информационные поводы, ведем друг с другом идеологические войны, боремся за медиавлияние. А вам все настолько до лампочки. Уроды, господа, какие же вы уроды! Вы даже на секунду не замрете в попытке осмыслить получаемую информацию. Бараны, над чем же мы все тут бьемся-то, а? К чему вся эта сложность? Проще надо быть, проще. Вы – тупое стадо, которое понимает только плеть. Вас надо лупить как баранов, а по воскресеньям давать пряники в виде юмористических шоу.

Ненависть подступала к горлу, я снова встал на ноги, немедленно получил удар алкоголя в мозг, из-за быстрой смены позиции покачулся и снова продолжил:

– Вы способны повторять только то, что вам скажет ваш телевизор, радиоприемник или компьютер. «Свобода слова», «борьба с тоталитаризмом», «будущее свободной страны». Вам все это не нужно, понимаете? Не нужно, читайте по губам. У вас нет никакого будущего.

– Будущее в анархии! – крикнула одна из размалеванных телок.

– Ты, скотина, вообще заткнись. Твое будущее находится в ближайшем подъезде. Это шприц с «черняшкой». У вас нет будущего. Потому что сначала вы приходите сюда с пивом, гитарой и в левацких маечках, потом спариваетесь со своими идиотками, которые родят вам таких же тупых ублюдков, а потом возвращаетесь сюда уже в виде вот этих неврубных мужиков, которые с коктейлями «по чуть-чуть», потому что завтра, блядь, на работу. Самые думающие из вас, какими они себе сами кажутся, не нашли ничего лучше, чем последовать советам самых тупых из политтехнологов, заключающимся в игнорировании выборов. Вместо того чтобы создать что-то своими голосами, вы, уроды, просто остались дома у телика, блядь. Чтобы потом, с утра увидеть выборы, которые прошли без вас, увидеть победителя, которого выбрали не вы. Все, на что вы способны, это проблеять «мэээээээ» в первое утро после выборов. И не удивляйтесь, что вами манипулируют, не свистите про «подтасовки» и вброс бюллетеней. По-другому не будет. Потому что все вы не хотите принимать решений. Вам это трудно. Просто включить голову. Очень трудно. И вся политика будущего будет заключаться в дистанционном управлении ленивым стадом через телевизор.

Не удивляйтесь, что с вами никто не считается. Потому что вас давно уже нет. Вы пустота.

– Антон, быстро слезай. – Вадим начал подпрыгивать, пытаясь схватить меня за руку. Изредка он поворачивался к толпе, натужно улыбался и извиняющимся тоном говорил:

– Он просто пьяный, не обращайте внимания, телевизора насмотрелся, я сейчас его уведу, не обращайте внимания, он сейчас слезет.

Я вырвал руку и заорал на Вадима:

– Ты что мне рот затыкаешь? Ты же как никто другой знаешь, что я прав, разве не так?

– Знаю, знаю. Я тебя прошу, пойдем. Завтра на работе договорим.

– Завтра? Нет, давай уж сейчас. Давай сегодня с ними поговорим. Иди, иди, отсоси у каждого из них. Может быть, мозги им вдуешь таким образом? Что ты стоишь? Это же

твоя аудитория, нет? Потрещи с ними по-товарищески, выпей водочки. Уговори пойти на выборы, проголосовать за твоего кандидата. Расскажи, как много ты сделал за последние полгода, чтобы запудрить им мозги напрочь. Только будь ласковей. Расскажи им, что твой кандидат цены на водку и пиво снизит, например. Иди, хули ты тут стоишь, лицемер херов. Это же не просто быдло – это же, ёптыть, ЭЛЕктоРАТ. Скажите, вы электорат или овцы? Ну, раз, два, три: МЫ... Да я и так знаю, что вы овцы.

– Надо милицию вызвать, – сказал кто-то из прохожих.

– Отличная идея, – поддержал я, – только не милицию, а зондеркоманду. Для окончательного решения электорального вопроса. А знаете что? Мне пришла в голову отличная мысль. Родненькие мои! Дорогие вы мои россияне! А что, если вам всем взять и умереть сейчас? А? Ну что вам стоит? Взять и исчезнуть с лица земли, а? Вас же все равно не существует? Вы даже «голосами» на выборах уже быть не хотите.

В этот момент из толпы вышла девушка, подняла на меня голову и тихо сказала:

– Простите, что перебиваю. А вы хотите? А что вы делаете для того, чтобы всем стало чуть лучше?

– Я? Что я делаю? Да я... да я ежедневно думаю над тем, как сделать так, чтобы вы окончательно превратились в биороботов. Я хочу научиться манипулировать вами с помощью этих дурацких ящиков, не затрачивая при этом ни одной калории. Вот чего я хочу. А еще, еще я очень хочу, чтобы все вы умерли...

– А вам никогда не приходила в голову идея о том, что мы тоже люди? Такие же, в общем, как вы? И еще одно. Если все мы умрем, что станется с вами?

– Со мной? Со мной ничего не станется. Потому что я разделен с вами броней сильнее танковой. Я нахожусь по ТУ СТОРОНУ ЭКРАНА.

К памятнику подошел тот самый уса́тый мужик, бросил на асфальт жестяную банку, отодвинул рукой девушку и сказал прищурясь:

– Так ты, сука, телевизионщик, да?

– Да, и что?

– А я думаю, что ж ты, падла, всех ублюдками да скотами ругаешь. А ну слазь, поговорим вдвоем.

– В тебе, никак, гражданская позиция проснулась, урод?

С этими словами я прыгнул на мужика, вцепился ему в одежду, и мы покатались по асфальту. Толпа стремительно расступилась. Мы наносили друг другу удары, тут же подбегали его дружки, которые принялись охаживать меня ногами, приговаривая:

– На, сука! На, козел, блядь, вонючий. Учить нас вздумал, за кого голосовать.

В общем, это было последнее, на чем я успел сконцентрироваться.

Очнулся я уже в машине. Рядом со мной сидел Вадим:

– Ну что, очнулся? Народный трибун... Гай Тиберий Гракх... Легче тебе стало?

– Куда мы едем?

– Домой тебя везу. Ты как? Ничего не сломал?

Я принялся ощупывать себя. Все тело болело, но не сильно. Видимо, я все еще был пьян. В машине играла «Enjoy the Silence», «Dereche Mode». Точнее, ее роковый ремикс. Я прислонился к боковому стеклу и тихо сказал:

– Я устал, Вадик. Мне очень тяжело и все надоело. Я хочу тишины. Просто тишины, чтобы все это кончилось и никогда не возвращалось, понимаешь?

– Понимаю, Антон. Все когда-то устают. Это бывает. Со мной тоже. Ты это...

– Помолчи пока. Доедем, ляжешь спать, и завтра все как рукой снимет. Только выпись, у нас в два часа клиенты приедут.

– Клиенты... Работать с клиентом, слушать клиента, предлагать клиенту позицию... Ты знаешь – мы с тобой две проститутки. Старые, но все еще достаточно дорогие бляди. Нет,

даже хуже проституток. От простых московских блядей ты можешь подцепить сифилис, а мы заражаем людей сифилисом мозга, понимаешь?

– Понимаю, понимаю. С другой стороны, кто тебе мешает уйти?

– Ты считаешь, это возможно, Вадик? Мы не оставляем друг другу ни одного шанса, родной.

– Возможно. Другой вопрос – готов ли ты к этому? Ты же специалист только в одной области, правда?

– Да, специалист. Ты знаешь, Вадим, я придумал для нас с тобой название. Ты знаешь, кто мы?

– И кто же?

– Мы специалисты по беспорядочным половым связям с общественностью.

В машине повисла тишина. Водитель, видимо, увлеченный нашей беседой, даже приглушил радио. Я смотрел в окно, Вадим периодически хмыкал, собираясь с мыслями. Пока он готовился ответить мне, я водил пальцем по запотевшему от перегара стеклу, выводя на нем свою роспись. В тот момент когда Вадим начал говорить «А знаешь...», я уже отрубился. Кажется, что он сказал напоследок что-то вроде:

– А знаешь, не так уж это и плохо...

Я открываю глаза уже дома, лежа в собственной кровати. У меня жутко ломит глаза и болит голова. Спотыкаясь, я плетусь на кухню, выпиваю два стакана воды и смотрю на часы – 04:32. Я иду обратно, падаю лицом в подушку и снова засыпаю. Мне снится, что я нахожусь в Останкино, в студии программы «Пусть говорят» и слушаю, как Андрей Малахов представляет участников шоу.

Малахов: Здравствуйте! В эфире шоу Андрея Малахова «Пусть говорят». Наши сегодняшние героини Елена Ивановна Петухова и Мария Александровна Дорохова из села Станкинское. Перед тем как мы узнаем их историю, я хочу показать вам документальные съемки.

На экране возник утренний пейзаж простого русского села. Несколько изб, покосившийся клуб, коровники, два трактора, распахивающих поле, дети, бегущие за гусями, и героини передачи, ведущие к местному медпункту своих маленьких дочерей. Голос за кадром:

– Станкинское почти не отличается от прочих русских сел и деревень. Те же проблемы, те же радости. Многие молодые уехали в город, потому что село ветшает. В нем нет работы, нет перспектив, и, в общем, заняться людям особо нечем. Но некоторым его жителям работы, как оказалось, хватает...

Картинка сельского утра сменяется ночной магистралью, проходящей рядом с селом. Героини передачи стоят у дороги с ведрами в руках, мимо проезжают машины. Тормозит «КамАЗ». Из него вылезают дальнбойщики, Петухова и Дорохова идут к ним, качая ведрами. Между водителями и женщинами завязывается диалог. Одна из них влезает вместе с водителем в кабину, другая удаляется с его напарником в сторону ближайших кустов. Голос за кадром:

– Елена Петухова и Мария Дорохова приходят сюда почти каждый вечер. Как на работу. Хотя это и есть их работа. Лена и Маша оказывают водителям-дальнбойщикам услуги интимного характера. Попросту выражаясь, Лена и Маша – проститутки.

В зале начинается движение. С верхних рядов закричала женщина:

– Шлюхи!

Вслед за первым криком из разных рядов ей вторят другие:

– Да как вам не стыдно!

– А с виду и не подумаешь!

Петухова и Дорохова начинают кричать в ответ, оправдываясь:

– Да это вранье все! Сама ты шлюха! Мы картошкой ходили торговать!

Начавшая перепалку худая визгливая тетка с верхнего ряда встает во весь рост, поправляет лежащий на плечах платок, тычит в стаканкинских баб указующим перстом и гневно верещит:

– Знаем мы, чем вы торговать ходили! Пи (пииип) ой вы ходили торговать!

Малахов: Женщина в верхнем ряду, прекратите орать! Прекратите, я сказал, я вас из зала удалю! Зал тем не менее продолжает:

– Как дочерям-то своим в глаза будете смотреть, шлюхи?

– А мужу?

– У таких и мужей-то не бывает!

– За коровой надо ходить, а не мужей чужих по кустам ублажать!

– Да картошкой мы в кустах торговали, у меня там лоток с овощами стоял!

– Сама ты в кустах стояла!

Малахов: Все, я вас сейчас удалю из зала. Последнее предупреждение!

Зал медленно стихает. Экраны гаснут. Малахов спускается в нижние ряды и продолжает:

– Это еще не все. Во второй части картины мы узнаем, что делали наши героини после встречи с водителями.

На экранах снова утренняя деревня. Петухова и Дорохова с пластиковыми пакетами под мышкой поднимаются по ступеням медпункта, открывают дверь и исчезают внутри. Через какое-то время они, улыбаясь, выходят оттуда уже без пакетов и идут домой. Голос за кадром:

– В качестве оплаты за свои услуги наши «ночные бабочки» получили от водителей, следующих из Таджикистана, наркотики, которые тут же продали врачу своего села. (Зал ахает.) Вот такая работа у наших героинь из простого русского села Стаканкино. А вот перед нами и ее плоды.

Из медпункта выходит мужик, придерживая рукой карман телогрейки. Камера смотрит ему в спину и провожает его по сельской дороге. Следующий кадр. Мужик валяется в кустах уже без телогрейки. (Крики в зале: «Расстреливать таких надо! Сволочи! Куда власти смотрят!») Рубаха на нем расстегнута почти до пояса. Крупным планом лицо мужика, выражающее полную безмятежность. Голос за кадром:

– Когда впереди ничего нет – ни работы, ни семьи, ни будущего, остается только медленно убивать себя. Состояние безмятежности после укола героя нормально для тракториста Степана. Ему пока хорошо. Через какое-то время он пожалеет о том, что делает. Пожалеют ли они? (Крики в зале: «Своими руками бы разорвала суку! Да что же вы их не арестуете прямо тут?»)

Камера снова показывает Петухову и Дорохову, которые, улыбаясь, идут от медпункта. Экран гаснет. В студии Петухова тихо плачет, приговаривая «за что же нас так». Дорохова закрыла лицо руками.

Малахов:

– С одной стороны, этим женщинам нет оправдания, но с другой – обстоятельства...

Но договорить ему не дают. Левая половина рядов, состоящая почти из одних женщин, вскакивает со своих мест и с криками «Наркоманки! Убийцы!» бежит к героиням. Лица массовки искажены ненавистью. У некоторых на глазах слезы. Малахов отбегает к стене, между массовой и героинями возникают милиционеры и охранники студии. Героини передачи – белые от ужаса.

Толпу разъяренных женщин растаскивают милиционеры. Некоторых выводят из студии, прочие рассаживаются по своим местам. Малахов возвращается в проход между рядами, поправляет очки и раскрывает папку, которую держит в руках.

– Наш следующий герой – Антон Дроздилов, человек, который снял все эти ужасы на пленку.

В зале раздаются аплодисменты и крики «молодец!», «хорошо, что заснял тварей этих!», «в суде пригодится!». Я сижу в кресле, киваю залу и улыбаюсь. *Малахов:*

– Скажите, Антон, как вы себя чувствуете?

– Отлично!

– Что вы можете сказать о своем фильме?

– В целом получилось очень своевременное кино о быте русского села.

Петухова:

– Вам не стыдно? *Дорохова:*

– Что же ты, сволочь, наделал-то? Я криво улыбаюсь:

– Вы понимаете, дело в том, что современная медиа работает в разных жанрах...

Малахов:

– Действительно, Антон, вам не стыдно? Даже мне уже стыдно. Я расскажу историю, Антон, или вы сами ее расскажете?

Я:

– Мне, в общем, все равно. Вы ведущий, вы и рассказывайте.

Малахов:

– Хорошо. Антон Дроздилов, известный журналист, приехал в село Стаканкино и договорился с жителями о том, что снимет правдивое кино о русской глубинке. Елена Ивановна Петухова и Мария Александровна Дорохова действительно продают дальнотойщикам картошку и овощи со своего огорода. В качестве оплаты за них они берут у водителей анальгин, димедрол и но-шпу в ампулах, которые невозможно достать в селе. Они относят их в медпункт. Антон Дроздилов знал об этом, снимал все на камеру, а затем сделал монтаж, включив туда кадры с пьяным трактористом. После чего Антон наложил закадровый текст, который все вы слышали. И который, как понятно, не имеет ничего общего с действительностью. Антон считает это «работой в разных жанрах». А что думаете вы, уважаемые зрители?

В студии висит напряженная тишина, прерываемая поочередными всхлипами Дороховой и Петуховой. Наконец из первого ряда встает мужик в спортивном костюме и громко произносит:

– Да что тут думать? Он чистый пидор. Мочить таких надо!

– Правильно!

– Мочить!

– Убить его, суку!

– Так оболгал честных рабочих женщин!

– Мочить!

– Мочить суку!

Почти все зрители вскакивают со своих мест и несутся ко мне. Я встаю с кресла и отступаю к стене с экраном. Толпа движется на меня.

– Эй, эй вы чего? Вы с ума сбрендили? Алле, Малахов! Вызови охрану. Вызови охрану, я тебе говорю! Ты чего, не понял?

Меня прижимают к стене. Толпа наваливается и начинает лупить меня. Я чувствую, как десятки рук рвут на мне одежду. Сначала я пытаюсь отбиваться, но меня быстро валят на пол и добивают уже ногами. Я теряю сознание.

В следующем кадре я вижу студию как бы с потолка. Мое тело за ноги волокут к выходу два охранника. За моим телом тянется слабый кровавый след. Я слышу голос Малахова:

– Снято. До конца рекламной паузы минута. Массовка садится на свои места, удаленных из студии просим возвратиться. У нас еще два сюжета. Работаем на регионы в прямом эфире.

В студии раздается голос, отсчитывающий секунды до начала следующей темы:

– Сорок. Тридцать. Двадцать. Десять. Пять. В эфире! Здравствуйте! В эфире шоу Андрея Малахова «Пусть говорят». Мы прощаемся с героями темы «Справедливость торжествует!» и встречаем новых героев...

VIVA HATE!

Следующим утром я пересекаю площадь перед метро «Краснопресненская», курю, страдаю похмельной головной болью и соображаю, где я всего десять минут назад парковал машину. Удивительно, но факт – вчерашние посиделки с Никитосом, равно как и выступление перед народом на Чистых прудах, отложилось в моей памяти пусть и не в мельчайших, но все-таки в подробностях. И вот я иду по улице, вспоминаю все это и злюсь. Я смотрю по сторонам, разглядываю людей и понимаю, как я их всех ненавижу. Нет, дело не во вчерашнем метании бисера и не в драке, которую я затеял с тем мужиком. Злость подступает к горлу, когда я вспоминаю истоки моего вчерашнего бенефиса. Всю эту «оду протестному электорату». И мне моментально хочется всех уничтожить.

У палатки с надписью «Носки-чулки» разговаривают две девки. Одна в бесформенном джинсовом комбинезоне слушает свою подругу – блондинку в короткой джинсовой юбке и колготках в сетку. Блондинка вещает с характерным малороссийским акцентом:

– Идут мимо, видят меня. Заходят. Сначала на меня смотрят, потом уж на товар. Так, по ходу дела, разговорятся, лапши им на уши навешаешь, вот и купят чего.

– Натах, да ты просто королева местная!

– А то! А Рашид, хозяин палатки, тварь, не ценит. Только лапать пытается, скотина.

Почти миновав их, я услышал, как блондинка хамским тоном сказала мне в спину:

– Мужчина, вы носки чисто хлопковые приобрести не хотите?

– Нет, спасибо, я уже в носках, – пробурчал я.

Единственное, чего я хочу, – это подойти вплотную к тебе, взять один из пакетов с колготками с витрины, открыть его, достать оттуда колготки, обмотать вокруг твоей шеи и начать тебя душить. Попутно пристрелив твою жабу-подругу в джинсовом комбесе. Я хочу посмотреть, как ты будешь ползать по земле и хрипеть «помогите», королева ты наша местная. И когда ты сдохнешь, я подумаю о том, что жизнь в общем-то не такая уж и скучная штука. Впрочем, ты об этом никогда не узнаешь.

Рядом с салоном сотовой связи стоит узбек, одетый в спортивные штаны и футболку с надписью «D amp;G». На его грязных ногах надеты шлепанцы. Пальцы, как вы понимаете, угольного цвета. Ногти будто обгрызаны. Он разглядывает пальцы ног и орет в мобильный, периодически взвизгивая, так, что слышно всем прохожим:

– Ало! Это... Расул, ту херню, че я тибя просил, мне уже не надо, понял, да? Ало! Ало, слышишь меня? Расул, епта, я говорю, ту херню, че я тебя просил, мне уже везти не надо! Я, билять, завтра пириеду и всех там рззать буду, за то, че они наделали на абьекте. Ишаки, бля. Я риальна гаварю. Все, давай пока.

За его спиной клетка с арбузами. Я прикидываю, что если попасть ему из пистолета точно в голову, то его отбросит аккурат в клетку. Таким образом, издав далеко даже не будет сразу понятно – где его мозги, а где разбитые арбузы.

У павильона метро два мужика, с сумками через плечо, пьют пиво. На головах у обоих кепки. Один из них после каждого глотка методично сплевывает себе под ноги. Второй – говорит, слегка покачивая бутылкой, в такт своим словам:

– Сын баран. Опять в сессию нахватал пересдач. Говорю ему, учись, сука, вылетишь из института – в армию пойдешь, а он только телок водит.

– Да это они все теперь. Моя только с подругами по телефону трещит да MTV смотрит. Пару раз приглашала в гости какого-то козла в рваных джинсах. Пидор пидором.

Конечно, сын баран. Такой же, как и ты. Просто надо было пользоваться презервативами. Вам вообще размножаться нельзя.

– Это потому, что они в телевизоре таких видят. Вот пример и берут.

– Была б моя воля, я б телик выбросил на хер. Прямо из окна.

Чего ж ты его не выбросишь-то? Потому что футболок под пиво уже не посмотришь? Потому что в выходные сдохнешь вместе с женой без уморительного юмора Петросяна? Что тебе мешает, скотина? В телевизоре «таких видят». Нет, давайте мы молодому поколению будем показывать таких, как ты. У них и так шанс небольшой вырасти иными, так давайте же лишим их и его. Пускай в папаню пойдут. Интересно, если выстрелить им обоим в живот, удержат ли они пиво в руках, упав на колени? Оставив мужиков, стоящих на коленях с бутылками в руках, истекать кровью, я мысленно расстрелял их жен и детей. Последних, впрочем, я даже никогда не видел.

Два молодых парня идут мне навстречу. Оба в темных костюмах и лаковых ботинках из кожи китайца, с загибающимися носками. Косая сажень в плечах, прямая кишка в мозгах. Останавливаются у палатки. Один из них сует в окошко деньги и что-то спрашивает, параллельно сообщая своему дружбану:

– Говорят, на дешевые иномарки новый налог введут, а на русские тачки цены поднимутся. После Нового года!

– Да ладно. А ты откуда слышал?

– У моего дружбана есть корешок, он в вазовском салоне работает. Так вот он точно в теме.

– Бля... А че делать-то? Может, мне свою «девятку» слить, взять кредит и новую «десятку» купить до Нового года?

– Не знаю. Кредит вообще-то можно. Только дорого отдавать.

– Вообще-то да...

Действительно. Заставлять отдавать кредиты таких прекрасных парней может только очень бессердечный человек. Они же деньги берут не на бухло, а НА ТАЧКУ! Я стреляю обоим в колени, говоря: «Теперь у тебя не будет вопросов с покупкой новой тачки, брат». Одновременно я решаю проблемы с недобросовестными дебиторами, помогая только становящейся на ноги российской банковской системе.

Я жду, когда они получают из окошка запрашиваемое и отходят, затем подхожу к палатке. Пока я покупаю сигареты, подъезжает маршрутное такси. Из него выходят две телки лет тридцати. На обеих джинсы с низкой талией и укороченные футболки. И это при наличии на боках сальных оковалков, как вы сами понимаете. Они встают рядом с палаткой и дружно роются в сумках. Вероятно, в поисках сигарет:

– Нет, Лен, я говорю ему: «Ты меня когда последний раз в ресторан приглашал?»

– А он чего?

– А он мычит: «Ну мы же ходили на той неделе с Пашкой и его женой в бар».

– А ты?

– А я ему говорю: «На хера мне твой бар, твой Пашка и его жена. Я хочу по-человечески посидеть в хорошем ресторане, хотя бы людей увидеть».

– Мой такой же козел был, хорошо, что я с ним развелась. Я пару месяцев с этим Володькой была. Помнишь, я тебе про него рассказывала?

– Ну. И чего он?

– Да урод, жадный оказался.

– Мужики все уро...

Впрочем, договорить она не успевает, потому что получает пулю точно в рот. Вторая стопудово начнет истерично визжать и закрывать лицо руками. Пуля входит ей в область переносицы. Как раз между приставленными к лицу ладонями. Я достаю кошелек и кладу на грудь каждой по сто долларовой банкноте, приговаривая:

– Я не жадный, поверьте, я не жадный. Вот, берите, сходите куда-нибудь вдвоем.

На остановке курят мужики лет за сорок. Один, худой и длинный, как шпала, доверительным тоном сообщает своему визави, маленькому «колобку» в плаще, с большой хозяйственной сумкой в руке:

- Ты слышал, что на водку опять цены поднимутся?
- Да? Вот суки, ёпть... И насколько?
- Я читал, что раза в два.
- Охереть... че ж делать-то?
- А че делать? Будем покупать. Хули тут остается?
- Может, щас закупиться?
- Да ладно. Все равно до конца жизни не затаришься.

Длинный сразу получает прикладом в область переносицы и падает навзничь. Что-то разбивается. Из-под мужика начинает растекаться большая лужа. Вряд ли это кровь, как вы думаете? Я вырываю у «колобка» сумку, достаю оттуда бутылку водки и спрашиваю его:

- Кто тебе сказал, что до конца жизни не затаришься?
- Эээ... – блеет он в ответ.
- Правильно, чувак. Это смотря когда конец.

Я заставляю его открыть рот и заливаю ему прямо в глотку всю бутылку. Кажется, он теряет сознание. Я стреляю ему в затылок. Так, чтобы наверняка.

Я осматриваюсь по сторонам. Людской поток продолжает плыть мимо, сливая мне в уши кисель из обрывков разговоров, телефонных звонков, восклицаний и матерных шуток. К остановке подбегает две девчонки лет по двадцать. Остановившись, они продолжают начатый разговор:

- Я прихожу на работу в девять и ухожу в шесть часов. Кручусь как белка. То телефон, то факс, то электронная почта. А Свиридов...
- Это кто?
- Начальник наш. Так вот он только по загранкомандировкам летает. Другим, я слышала, хоть зарплату прибавляют, а нам – ни фига!
- Лен, а ты просила?
- Да просила, че толку-то? Он как полено. Талдычит одно: «Согласно штатному расписанию». Как всегда: кто больше всех пашет – меньше всех получает.
- Слушай, Лен, а ты с ним не пробовала?... Ну... того?
- Оль, я тебя умоляю. Ты б его видела. Студень какой-то. Глазки еще маленькие такие, как у свиньи... брррррр. Оль, я тут с таким мужиком познакомилась!
- Где?
- В Интернете. Я же днем торчу на этом сайте знакомств...

Я представляю, с каким наслаждением я забил бы их обеих прикладом винтовки, потому что на работе не надо висеть в Интернете. На работе надо работать. На работе надо работать, блядь. Работать, а не висеть, глупые суки. Неужели это так сложно понять, что надо работать? На работе надо работать. Это очень просто. Казалось бы, что может быть проще для понимания? На работе надо работать. Она потому так и называется – работа. Это очень просто уяснить для себя. Это, блядь, **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ СТОИТ**. Просто работать, и все...

Когда мозги уже готовы закипеть, я наконец дохожу до своей машины. Я нажимаю на кнопку сигнализации и открываю дверь. Рядом останавливается машина. Из нее вылезает тучный чувак. С тротуара ему навстречу шагает телка, которую я как-то сразу не приметил. Лицо у нее крайне недовольное. Вероятно, ждала его долго. Мужик начинает оправдываться за свое опоздание, говоря достаточно громко:

– Катя, я простоял на Садовом полчаса. Пробки везде. **ПО МОСКВЕ ЕЗДИТЬ СТАЛО НЕВОЗМОЖНО**.

Стоит ли говорить, как я люблю эти заезженные фразочки. Я вставляю в ружье последний патрон и стреляю ему точно в лоб, тихо говоря:

– Катайся на метро, козел.

На телку у меня уже не хватает патронов. В другой раз, сестра, в другой раз...

– Антоха!

Я резко оборачиваюсь. У тротуара стоит ярко-желтая мусороуборочная машина, рядом с ней чувак в синем комбинезоне и красной бейсболке.

– Антох, здорова, сто лет не видел тебя! «Блядь, это Васька. Мудило гороховый, черт тебя дернул здороваться со мной в центре города». Привет-привет. Извини, Вася, я тороплюсь.

– А я тебя по телевизору видел на каком-то митинге! – кричит он еще громче.

– Да? Здорово, – я сажусь в машину, – давай увидимся.

– Антох, погоди!

– Чего?

– А меня на службе повысили! – Васька подходит к моей машине, – месяца два уже, прикинь!

– Круто. И кем ты теперь?

– Я теперь на спецучастке. Центр, спецобъекты, – Вася переходит на шепот, – Администрация Президента даже.

– Да ну? И чего там? Больше мусорят?

– Да вроде так же. Только секретности больше.

– Ясно. Вась, увидимся как-нибудь, я опаздываю.

– Ну давай, – Васька приветственно поднимает руку, – увидимся, поболтаем. Ты, кстати, на экране толще выглядишь. Ну, до скорого.

– «Не дай бог». Ага! Увидимся, обязательно!

Я завожу двигатель, трогаюсь и выезжаю в правый ряд.

Нет, вы не подумайте, что я такой злой. Напротив, я готов воспринимать окружающих с улыбкой и где-то даже с распростертыми объятиями. Я хочу улыбаться людям и смотреть в будущее с оптимизмом. Но они не дают мне ни единого шанса это сделать. Правда, я пытаюсь, но не могу. Поверьте.

– Блядь, куда ты лезешь, скотина? Ты светофор видишь, нет?

Потому что мир пропитан людской ненавистью друг к другу. Мужики ненавидят баб, бабы ненавидят мужиков, родители ненавидят своих детей, дети жаждут смерти своих родителей, начальники готовы уничтожить подчиненных, а подчиненные готовы вцепиться в глотки своим начальникам, чтобы потом занять их места. Депутаты ненавидят своих избирателей, а избиратели ненавидят тех, за кого голосуют. Народ ненавидит олигархов, а те ненавидят народ.

Как же надоела эта вечная пробка перед тоннелем под Новым Арбатом. Уроды, ну вы же все уже должны сидеть в своих офисах, а? Ну почему если мне нужно на «Парк культуры», то сразу всему городу нужно туда же? А? На чем я остановился? А!

Евреи ненавидят арабов, арабы ненавидят евреев. Все вместе они ненавидят русских, а последние, в свою очередь, ненавидят всех вокруг. Все ненавидят всех, при этом забывая, что все вокруг ничуть не лучше и не хуже их самих. Мы все чьи-то родители и одновременно чьи-то дети. Мы сами суки-бабы и козлы-мужики, мы чьи-то начальники и чьи-то подчиненные. Мы сами и электорат, и президенты. А главное – мы многонациональны и исповедуем разные религии. Так почему же, еб вашу мать, мы не можем просто ужиться друг с другом? Это же не так сложно, правда? Это не требует каких-то материальных затрат, душевных мук или растраченных калорий. Все, что нам нужно, это немного терпимости друг к другу. Но нет. Границы, религии, национальности, государственный строй, экономические разногла-

сия – все это ничто по сравнению с тем, что по-настоящему движет нами. Имя этой движущей силы – НЕНАВИСТЬ.

Ага. Точно. Посигналь мне. Да, посигналь. Чего ты дудишь, газелист тупорылый? Куда я подвинусь, если там стоит такой же баран, твой брат водитель-экспедитор? Надуделся? Баран. Да, точно. Двинь мне в бочину. Боишься? Вот именно.

Есть еще одно. То, что всех тут объединяет перед тем, как повести вперед. СТРАХ. Всеобщий, парализующий страх. Клерки боятся потерять работу, бабы – потерять мужиков, мужики – своих баб, телка, торгующая колготками, боится потных рук хозяина палатки, тот боится, что она обворует его, узбек боится скинхеда и мента, мент боится их обоих, народ боится олигархов и собственного правительства, правительство боится народа. Еще они боятся финансового кризиса, куриного гриппа, роста цен на бензин, расширения НАТО, войны и мировых террористов. И наконец, все вместе, включая мировых террористов, боятся падения цен на нефть и исчезновения с прилавков водки. Причем неизвестно, чего больше.

И только медиа не боится никого и ничего. Потому что у медиа нет никого и ничего, кроме ее самой и отчасти аудитории. Не делайте из нее монстра. Как раз наоборот. Она – добренький старичок, вроде Олле Лукойе, который ходит с двумя зонтиками и показывает всем сны. Иногда цветные, иногда черные. В зависимости от того, кто чего заказал и кто чего заслужил. А так как эти сны сотканы из ваших чувств, медиа просто отбирает из них самые сильные. СТРАХ И НЕНАВИСТЬ. Ведь это ваши самые любимые, а главное, самые искренние чувства, не правда ли?

Ну, переключай светофор. Сколько можно держать его? Кто-то поехать, что ли, должен? Так он, наверное, через Арбат поехал, а не по набережной. А ты все тупишь. Гаишники все-таки тупые, падлы. Наконец-то. Слава тебе, господи, поехали!

И не пеняйте медиа на то, что она вами управляет, используя «эйфорию единства от безысходности», «истерию ужаса» или как вы там это называете. Как может быть иначе? Страх и ненависть – единственные средства для управления трусливым и озлобленным стадом. Все зеркально, не правда ли? Мы играем только ту музыку, которую вы заказываете. Только ту, которую вы хотите слушать. Только ту, которой вы достойны. Вы не хотите, чтобы медиа вами управляла? Отлично!

VIVA HATE! Так давайте же, наконец, уничтожим друг друга. Только сделаем это красиво. И не спеша. Мы, медийщики, сначала найдем одного общего врага, против которого все объединятся. Затем, когда он будет повержен, мы приступим к уничтожению более мелких врагов, и так постепенно перебьем всех, пока на планете не останется ни одного человека. Наконецто в мире воцарится тишина и покой. Хотя нет, вру. Абсолютной тишины все-таки не получится. Последний свидетель этой Великой войны свиней будет еще какое-то время тупо отображать миглом опустевшую действительность. Телевизор. Некоторые из них, не погибшие во время пожаров и побоищ, будут транслировать друг другу картинку пустой планеты. Таким образом круг наконец-то замкнется. Медиа будет воспроизводить саму себя и потреблять сама себя. Пока не кончится электричество. Хотя, я уверен, она что-нибудь с этим придумает.

Вам страшно? Все это сделали вы. Своими руками.

Своим страхом и своей ненавистью. Вы отлично научились бояться и ненавидеть. Может быть, попробуете научиться любить? Слишком сложно? Ну, тогда включайте телевизор, вы снова в студии.

Viva Hate!
Viva Fear!
Viva Media!

Ага, ну вот и РИА «Новости». Гениально. Не прошло и часа, как я доехал. Найти бы еще место. Поставлю тут, ебись они в рот, эти вечно снующие эвакуаторы.

Я прохожу через центральный вход, называю милиционеру свое имя, даю в окошечко паспорт и иду через турникет. В большом конференц-зале уже толпа журналистов. Я протискиваюсь через них, жму кому-то руки и вижу Генку Орлова, который занял два места в последнем ряду. Я сажусь рядом, собираюсь спросить, давно ли началось, и вижу стоящего в первом ряду с микрофоном Дениса Квашина, который спрашивает Шойгу:

– Вы хотите сказать, что теракта не было?

Как и предполагалось, на роль жертвы выбрали Шойгу. Он сидит, частенько отпивает из стакана воду и подолгу вытирает салфеткой рот:

– Я хочу сказать, что нами не зафиксировано в связи с данным случаем ни одного поступившего в больницы города Москвы человека, – Шойгу кашлянул и закончил более приглушенным голосом, – равно как и в морги.

– Александр Фадеев, информационный портал Lenta.ru. А как вы объясните наличие видеорепортажей, показанных CNN и некоторыми другими западными телеканалами?

– Я не знаю, каким образом эти телеканалы поставили в эфир сюжеты, которые не имеют ничего общего с действительностью. Я не отвечаю за эфирную сетку на CNN.

– Да, но вы отвечаете за чрезвычайные ситуации в стране, разве не так?

– Безусловно, так.

– Тогда не потрудитесь ли вы ответить на два простых вопроса: являлись ли машины с красно-белой окраской машинами «скорой помощи»? Кого забирали машины «скорой помощи» у метро «Проспект Мира»?

– Я повторюсь. Ни одна из так называемых машин «скорой помощи» не принадлежит медицинским учреждениям города Москвы. Я не знаю, кого эти машины забирали от здания метрополитена. Когда на место события прибыли настоящие бригады «скорой помощи», на площади не было никаких тел.

– А «так называемые» наряды милиции и спецназа также не имеют ничего общего с государственными органами?

– Сотрудники милиции, ФСБ и МЧС, прибывшие на место события, безусловно, представляют официальные органы. Кроме двух автомашин «Жигули», которые отбыли сразу вместе с – повторюсь – так называемыми машинами «Скорой помощи».

– Господин Шойгу, почему вы упорно называете машины «скорой помощи», зафиксированные видеокамерами, «так называемыми»? Тогда как вместо того чтобы назвать террористический акт террористическим актом, вы используете трусливое словечко «событие» или еще того хуже – «случай»? Случай – это когда у вас на государственной даче пятидесятиметровый бассейн засорился, а здесь мы имеем дело с терактом, который государство в вашем лице пытается скрыть. Почему вы так бесстыдно лжете нам, Сергей Кожугетович?

– У меня нет бассейна, вы что-то напутали, это во-первых. А во вторых...

– Может быть, у вас и государственной дачи нет? Напряжение на прессухе нарастало. Понятно, что Шойгу, которого выставили в окопы первым номером, сильно напрягается, пускаясь в объяснялово. Сам он точно еще не уверен, был теракт или нет. Ему в отличие от журналистов приходится доказывать и оправдываться, тогда как им нужно просто наиболее болезненно наступать на мозоли его неинформированности. Ситуация развивалась по плану. Коля из ньюсрукома сбросил мне уже три эсэмэски. Он очень торопился раньше времени порвать Кожугетыча и все испортить.

– У меня есть дача, но дело не в этом. Я хотел сказать, что прежде чем называть это террористическим актом, необходимо...

– Я знаю, что у вас есть дача, и знаю, что у вас есть там бассейн. Вы даже в мелочах боитесь правды, Сергей Кожугетович.

– Я имел в виду, что у меня нет пятидесятиметрового бассейна. Вот что я хотел сказать, но вы меня постоянно перебиваете. Может быть, будем взаимно корректны? Это все-таки пресс-конференция, а не базар.

Тактика сталкивания Шойгу в бои местного значения постепенно давала результаты. Привыкший работать «на поле», максимум выступать с докладом постфактум по реальной ситуации, он не обладал искусством выступлений на публике, подобно Геббельсу. Особенно учитывая тот факт, что последнего никто никогда не перебивал.

Шойгу имел дело с профессионалами в своем деле, поэтому я предполагал, что минут через двадцать эти ландскнехты свободной прессы его банально угандошат. В любом случае, нервничать он уже начал прилично.

– Господин Шойгу, давайте быть корректными. У меня последний, корректный вопрос: куда машины отвозили тела мертвых и раненых? Где вы их прячете?

– Я повторяю вам, что это были не наши машины. Никаких мертвых и раненых мы в больницах не видели и никого не прячем.

– Алексей Алферов, «Эхо Москвы». А весь мир видел, господин Шойгу. Вам не кажется это странным? Министр МЧС не видел, а миллионы телезрителей в мире видели **УБИТЫХ И РАНЕННЫХ** в городе **МОСКВА**, столице **РОССИИ**. Вы понимаете, о чем я? Видели лужи крови и оторванные конечности. Видели детские трупы. Все это видели, а вы не видели, вот что странно.

– Показанные западными каналами лужи крови и оторванные конечности не есть доказательства того, что теракт на самом деле имел место. Россия прошла через десятки терактов. Взорванные дома в Москве, Буйнакске, «Норд-Ост», Беслан. Тысячи жертв. Вы полагаете, что, пройдя через все это, государственные органы почему-то решили «замылить» совершенное кем-то преступление? Особенно под прицелами видеокамер западных СМИ? В чем логика?

– Вы не понимаете, в чем логика? Вы действительно не понимаете, почему государственные органы решили это, как вы выразились, «замылить»? Я вам объясню, если хотите.

– Да, объясните, а заодно и своим коллегам объясните, всем очень интересно.

– Логика в том, что вы, правительство, президент, администрация президента, – вы все настолько обнаглели от тотального контроля всех и вся, что решили, что аудитория «съест» любую ложь, которую вы ей подсунете. Вы решили, что безнаказанно можете «замылить» любое преступление. Особенно в свете рапорта министра внутренних дел о полной победе над боевиками в Чечне. Этот теракт ну никак не вяжется с «полной победой». Особенно когда на носу президентские выборы. Вчера сюжет о теракте был показан в прямом эфире по РТР через десять минут после взрыва. В вечерних новостях его уже не было нигде. Вы решили, что вам это сойдет с рук? Вы решили, что можете так тотально нагло манипулировать людьми?

– Я не отвечаю за сетки вещания, я же вам сказал, вероятно, на РТР поставили сюжет, не разобравшись...

– Вот именно, что «не разобравшись»... А потом вы с ними быстренько разобрались и заблокировали новость о теракте. Но кроме РТР и ОРТ есть еще, слава богу, мировая общественность...

– Я имел в виду, что они поставили сюжет, не проверив, действительно ли имели место подобные обстоятельства. Я повторяю – я не отвечаю за сетку вещания...

– Поймите, господин Шойгу, нам все равно, за что вы отвечаете. В вашем лице мы обращаемся к власти, которая чинит произвол и диктатуру в области СМИ. Да и не только в области СМИ. Мы просим ответов от власти, господин Шойгу, а вы уходите от них. Мне это напоминает допрос фашистами коммуниста Димитрова, помните? «Вы боитесь моих

вопросов, господин министр?» Я тоже хочу спросить: вы боитесь моих вопросов, господин министр?

Да, Шойгу попал. Зная этих придурков, спичрайтеров, я вполне допускаю, что они не успели написать отмазку по поводу столь быстрой реакции РТР и последующего молчания в вечернем эфире, тем самым подставив его. Ситуация патовая. Ошибочка у вас вышла, граждане. Сейчас он, конечно, сошлется на то, что утром все каналы высказались по ситуации, сказав, что обстоятельства выясняются. Но тут уже поздняк метаться. Шойгу попал. Я набираю Коле SMS с единственной фразой: «Давай».

– Я не боюсь ничьих вопросов. Я говорю вам ту информацию, которую мы имеем. Я говорю вам то, что утром уже прозвучало на всех телеканалах и радиостанциях. Есть видеокадры с места события, есть показанные машины и тела. Самих пострадавших нет. Машины неясной принадлежности. В больницах и моргах ни одного тела. Вы хотите вместе со мной проехать посмотреть?

– Николай Вострецов, Ньюсру. ком. Господин Шойгу, не хотите ли вы сказать, что теракт инсценирован?

Туше. Коля обводит окружающих взглядом победителя. Но истинный триумфатор не он, ох не он.

– Я повторяю. У нас нет никаких свидетельств того, что теракт имел место. Никаких свидетельств и никаких обращений родственников. Ничего, кроме видеокадров.

Двери зала, где проходит пресс-конференция, открываются. Камеры дружно переключаются на входящих. В дверях плачущая женщина, которую ведут под руки двое мужчин. Журналист с «Эхо Москвы» берет микрофон и говорит, что у него есть заявление. Затем передает микрофон женщине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.